

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Журнал и сцена - 1993 - 11-16 декабря (№ 5) - с. 16

Даниэль ОЛЬБРЫХСКИЙ:

«С каждым днем я чувствую себя все лучше»

Среди множества иномарочных «звезд», то и дело восходящих над московским горизонтом, некоторые кажутся нам особенно яркими. Газета наша — организм, причем с характером, соответственно имеет личные привязанности. Не такие уж, впрочем, оригинальные. Странно ли, к примеру, что мы любим Даниэля Ольбрыхского? Да это же просто давняя и общая любовь всей нашей бывшей общей страны. К тому же у нас особые отношения.

Летом 1991 года мы вытащили пана Даниэля из суматохи Московского кинофестиваля к себе в редакцию. Он приехал как раз через пару часов после того, как нас почти что прихлопнули — распоряжением живого тогда ЦК КПСС. Мы вручили ему свой приз, учрежденный на фестивале, проходившем под девизом «Салют актерам мира!», и диплом: «...Даниэлю ОЛЬБРЫХСКОМУ, который по праву и в полном смысле слова может быть назван Актером мира. Даниэлю ОЛЬБРЫХСКОМУ — за то, что он Даниэль ОЛЬБРЫХСКИЙ на экране и на сцене». А он подарил нам свою книгу о Владимире Высоцком и разрешил публиковать отрывки из нее (что мы сделали — в «ЭС» № 5, 1992). И был разговор — ах, какой был разговор! Все вместе, обо всем — и самом-самом. В том числе о десятилетнем «запрете на Ольбрыхского». Но нет силы, способной запретить искусство и любовь. Мы, как видите, живем. А Даниэль Ольбрыхский, один из первых актеров мира, командор французского ордена Почетного легиона и (ставим это без ложной скромности в тот же ряд) лауреат «ЭС», снова как бывало залетел в Москву. Как было не поговорить!

Изменив своему распорядку — обычно уик-энд артист проводит на даче с отключенным телефоном, — вечером в субботу, 6 февраля, через 40 минут после приземления самолета, на небольшую сцену конференц-зала Центрального дома художника вышел изящный, элегантный даже в джинсах человек. В этот день состоялась премьера фильма Андрея Маликова «Бабочки», где Даниэль Ольбрыхский сыграл одну из ролей. Зал, ожидая его приезда, не расходился и встретил любимого артиста — зритель умеет быть верным — радостными вскриками и аплодисментами.

Понимая, что выполнить редакционное задание — побеседовать с Ольбрыхским — я смогу лишь с малюсенькой толикой вероятности: его день и два вечера в Москве распланы до минуты, незримой тенью я преследовала артиста. Конечно, моя скорость больше соответствовала неспешному ходу государственного транспорта, чем моментально исчезающему из глаз юрному автомобилю. Тем не менее иногда удавалось совпадать. И не теряя ни минуты, я записывала все, что он говорил, даже если это было не в мимолетной беседе, а перед влюбленно внимающим залом.

Сниматься за рубежом — безусловно важно. Я работал почти во всех странах Европы, у меня около 100 картин. Это помогло изжить комплексы. Я ощутил, что меня любят не только «моя деревня». Я понял, что своей профессией смогу прокормить семью. В любой стране мира. Я стал состоятельным человеком, даже богатым, в сравнении с польскими актерами. Я свободно решаю то, что мне надо.

Но это не самое главное. Сейчас моя страна начинает жить нормально. Пусть со всеми глупостями, ошибками, ненавистью, национализмом. Но, я думаю, она избрала хороший путь. И я хочу жить не в Париже, не в Лос-Анджелесе, я там не родился, там не мой родной язык. Хочу жить в Варшаве, Хочу играть на польском языке в театре, в кино. Хочу свою старость провести в своей стране.

— Пана Даниэль, начиная встречу, вы произнесли неожиданные, требующие, я бы сказала, мужества слова о том, что приходит новое поколение, вы стареете, и дела пойдут все хуже.

— Конечно, нет. Я произнес это иронично. Наоборот, дела идут все лучше и лучше. Естественно, я старею — все стареет. Но я чувствую себя с каждым днем все лучше и лучше. У меня два внука, второй родился неделю назад. Всегда есть работа. Я живу там, где мне хочется жить. Все в порядке. Я счастлив. Не знаю сколько Бог отвел мне дней, но сегодня я счастливее, чем двадцать лет назад.

— Может быть, это мудрость?

— Может... (смеется). Нет, не думаю. Никогда не считал себя мудрым. Просто я ощущаю это на физиологическом уровне.

— А на творческом?

— Думаю, что сегодня я играю лучше, чем в 1973 году. И хочу иногда доказывать это зрителю.

— Такая возможность у вас есть?

— Впервые за семь лет я репетирую в театре на польском языке. На сцену выхожу в роли Эдмунда Кина

(пьеса А. Дюма — Ж. П. Сартра). Ставит мой тесть Анджей Лапидский. Вокруг — прекрасные актеры, я получаю огромное удовольствие. Кин играл всего Шекспира — Гамлет, Макбет, Отелло. И я играл эти роли. Интересно снова, но по-иному взглянуть на них. Обещаю вам — зритель будет доволен и зал будет полон.

— Наверняка: после семи лет отсутствия «на Ольбрыхского» придут.

— Не только поэтому. Я сделал эту роль прекрасно. И дай Бог, чтоб наш польский театр, наши фильмы, как и раньше, были интересны и для соседей. Это немало.

— Когда премьера?

— Через две недели. Я безумно волнуюсь.

— А на гастроли к нам?

— Сначала надо сыграть раз сто в Польше. А потом — если будет возможность — конечно, приедем. Самые прекрасные театральные встречи у меня были в Москве и Ленинграде (сейчас учусь, что надо говорить «Питер»). Никогда уже в моей жизни не будет подобных встреч со зрителем. Потому что один раз случается такое: двадцатипятилетний актер играет Гамлета, а в зале три тысячи людей, на улице еще три тысячи спрашивают лишние билеты. На польский спектакль! Спасибо вам.

А пока приезжайте вы. На премьеру. Не только на торговлю. Хотя я очень рад, что много русских, украинцев, белорусов приезжает торговать. Мы тоже так три-четыре года назад начинали, только ездили в Германию. По-моему, это самое прекрасное соединение. Лучшее, чем официальные встречи раньше: «Правда» — «Трибуна люду». Я уже много раз замечал, вот русский человек продал кофемолку или водку, польский крестьянин ее купил. Потом они вместе пьют эту водку. Позже просятся в траве. И чтобы понять друг друга, поляк стремится говорить по-русски, а русский по-польски. Меняются адресами. Вот это настоящее. Я уверен, все будет нормально. Иногда бывает бандитизм, но, в основном, все в порядке.

— Вы неоднократно говорили о том, что русский зритель для вас — второй после польского. Сейчас в бывшем Советском Союзе национальный вопрос — один из самых болезненных. Что для вас «русское», «русский»?

— Вы знаете, я — гражданин мира. По паспорту и месту рождения — я поляк. Но вообще не понимаю: русский, поляк, чех, француз? Я думаю, что мы все — граждане этой несчастливой планеты, и в этом смысле для меня нет границ.

Мне нравится непохожее. Вот, например, мой дом — я его люблю, он совсем другой, чем дом соседа. Но сосед — пусть он будет мусульманин, православный, католик, неверую-

щий — это мой сосед. А все мы — жители одной Земли.

— Тогда в какой сборной вы хотели бы играть?

— Еще раз с Анджеем Вайдой. Еще раз — с Жераром Денардые (он сегодня прилетает, может быть, мы с ним увидимся). Кто еще? Иннокентий Смоктуновский, Никита Михалков, Роберт Де Ниро, Мерил Стрип, Инна Чурикова, Володя Высоцкий, но, к сожалению, его уже нет.

— Год с лишним назад вы привезли в Москву свои воспоминания о Высоцком на польском языке. «Экран и сцена» тогда же опубликовала переведенные отрывки. А книга вышла в свет только сейчас...

— Конечно, если б все произошло вовремя, то тираж бы был сто тысяч, а сейчас лишь десять. У меня есть идея снять ленту «Высоцкий за рубежом». Перед камерой его друзья — Миша Барышников, Марина Влади, Михаил Шемякин, я сам. Но картина не о том, какой он был прекрасный. Он бы не согласился на это. Все должно быть на сопоставлении: он всегда любил схватку. Надо объяснить молодым, что в нем было мистического. Не только для вас, русских. Но для всех. Надо, чтоб молодая генерация хотела критиковать нас, а мы еще сможем парировать удар.

Когда Володя умер, я не смог прилететь на похороны: снимался во Франции у Клода Лелюша. Девятый день мы отмечали в Париже, сестры Поляковы, Шемякин. Была церковь, были поминки, стояла рюмка водки для него. Я пообещал Марине, что на сороковой день буду в Москве. А в Польше в это время — «Солидарность». Я подписывал все ее воззвания. Но перед сороковинами обратился к министру культуры, так как мой паспорт был у него (это сейчас у нас паспорта в собственном кармане). Тот ответил: «Я знаю, почему я потеряю свою работу. Хорошо. Вот тебе письмо». И там что-то о том, что Ольбрыхский должен быть в Москве для переговоров с... Бондарчуком о совместном фильме. На один

день! Вечером прилетел, утром улетел!

В Москве поехали с Мариной на кладбище. Там были уже не тысячи, там были миллионы. Костер огромный. Подходим ближе, и я вижу из чего этот костер. Горят сломанные гитары...

Я вернулся в Варшаву. Так, как было сказано. Майор КГБ, который меня и встречал, старательно проводил обратно в аэропорт. Потом меня восемь лет в Москве не было. Как и Вайды. О нас не говорили здесь. Я приехал и написал стихотворение, посвященное Высоцкому, всему поколению и призывающее быть вместе.

— Но запрет на ваше имя, к счастью, давно снят. В 1991 году вы, в частности, стали лауреатом «Экрана и сцены».

— Да. У меня дома ваш диплом висит на почетном месте.

— А что нового в кино?

— Снялся у двух российских режиссеров — Маликова и Харченко — «Короткое дыхание любви».

В прошедшем году у меня было четыре картины — французская, грузинская — у Кэти Долидзе, две польских. Кино — это моя профессия. Театр — моя любовь.

— То есть простоя нет?

— Я надеюсь, что когда-нибудь будет, и дел, наконец, займется своими внуками. Я мечтаю об этом.

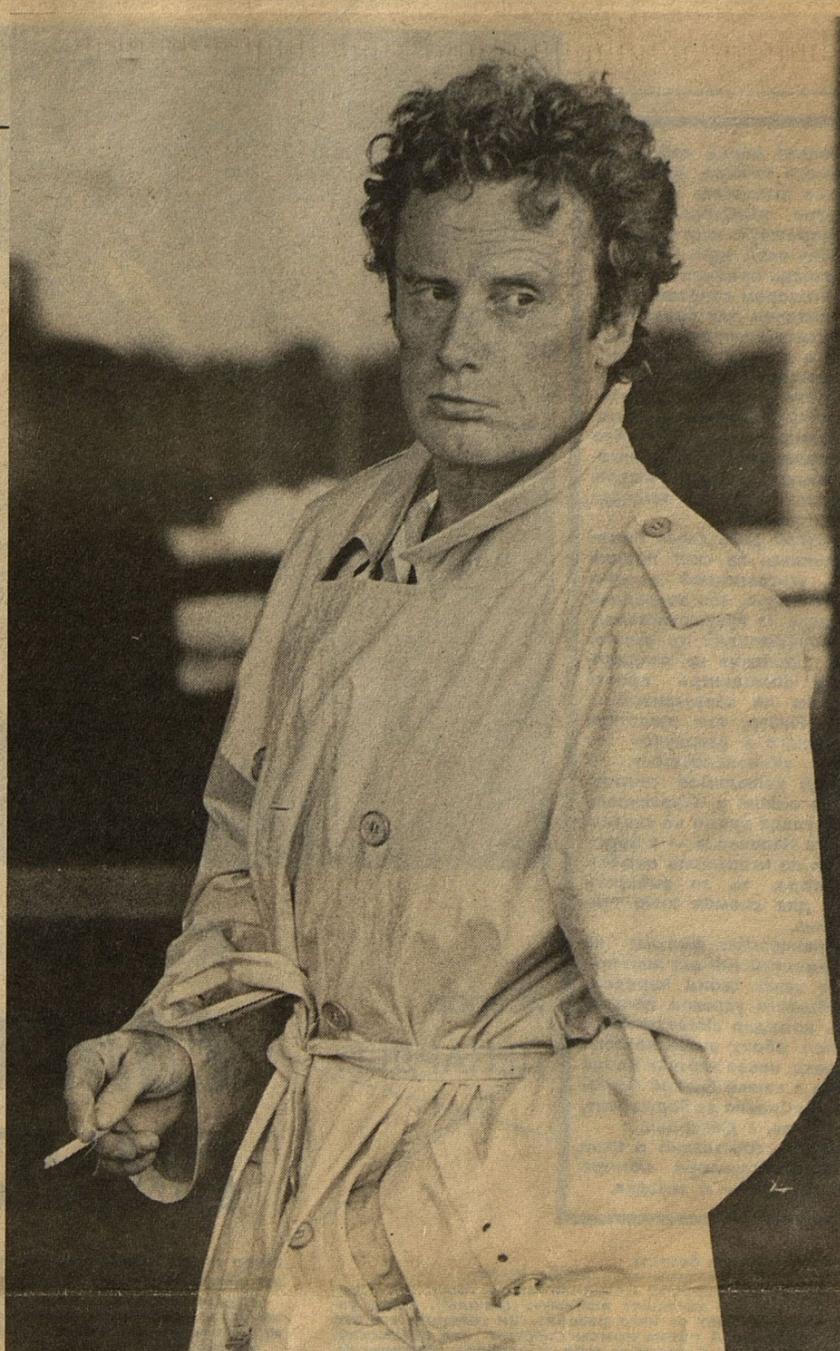
Когда закончилась встреча с Даниэлем, к нему выстроилась очередь за автографами. Благо, что предусмотрительно продавалась его книга о Высоцком. Людей, в основном, женщин, было немало. Процедура могла занять много времени. Стоять же на сцене, наклонившись в зал, было неловко, и кто-то предложил артисту стул.

Но тот с истинно польской галантностью опустился на одно колено, надписывая страницы на другом колене. Когда же его спросили: «Вам, наверно, неудобно?», он ответил: «Почему? На колене — перед дамами — всегда удобно!»

Беседу вела

Татьяна РЫБАКИНА.

Фото Алексея Белянцева.

11-18.02.93

Ольбрыхский Д.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО